

Доржиева Г. С. Аборигенные топонимы Квебека — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 204 с.; Она же. Франкофонные топонимы Квебека (этнолингвистический аспект). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 352 с.

В последние десятилетия заметным явлением в науке стала деятельность бурятских ономастологов Улан-Удэнского университета, работающих под руководством профессора Л. В. Шулуновой (1951–2011), основателя научной школы «Региональная ономастика». Яркий представитель этой школы — Галина Сергеевна Доржиева, автор более 80 научных и учебно-методических работ по проблемам коммуникативной лингвистики, межкультурной коммуникации и ономастики. Серьёзная¹ теоретическая подготовка и знание предшествующей научной литературы — как отечественной, так и зарубежной (в том числе благодаря работе в фондах библиотек Канады), посвящённой топонимии Северной Америки, — позволяют автору свободно ориентироваться в области социолингвистики, этнолингвистики, лингвогеографии, лингвокультурологии, ономастики и других разделов и направлений науки.

В марте 2012 г. Г. С. Доржиева успешно защитила докторскую диссертацию, тема которой «Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект)» нашла воплощение в одной из рецензируемых монографий.

Обе книги автора тесно связаны между собой не только из-за общего объекта исследования — территории канадской провинции Квебек, но и благодаря единому подходу к аборигенной и франкоязычной топонимии с преимущественным вниманием к этнолингвистическому аспекту. Этим определяется и основной круг вопросов, затрагиваемых в монографиях.

Первая по времени публикации монография «Аборигенные топонимы Квебека» состоит из введения, трёх глав и заключения. Названия глав: «Формирование аборигенной топонимии Квебека», «Этнокультурные особенности аборигенной топонимии Квебека», «Национально-культурные коннотации и лексико-семантический потенциал аборигенной топонимии Квебека».

Доскональное изучение аборигенной топонимии канадской провинции Квебек — особая заслуга автора. Тема эта мало исследована в отечественном языкознании. Между тем топонимы Квебека инуитского и индейского происхождения представляют собой древнейший топонимический субстрат Канады, их этимологизация часто бывает затруднительной и потому дискуссионной, и они требуют этноязыковой интерпретации. В настоящее время в Квебеке существуют три большие автохтонные группы: инуиты в арктической тундре, алгонкины в северных лесах и ирокезы в долине реки Св. Лаврентия. Автор подробно анализирует историю формирования аборигенной топонимии на фоне миграций этнических коллективов, их места в канадском социуме и роста этнического самосознания в последние десятилетия.

Раздел «Актуальные проблемы аборигенной топонимии» важен не только для топонимии Квебека и Канады в целом, но и для характеристики государственной языковой политики во всех странах с многонациональным составом населения — это касается в том числе и нашей страны. Государственная политика Канады в течение трёх поколений (с начала XX в.) препятствовала сохранению и распространению аборигенной

¹ Написание буквы «ё» сохранено по просьбе автора. — *Прим. ред.*

топонимии, которая на федеральных картах заменялась французскими названиями. Однако с 60-х гг. XX в. аборигенные географические названия стали рассматриваться как составная часть квебекского топонимикона; их сохранение, применение и увеличение стало приоритетным направлением деятельности Топонимической комиссии. В 1990 г. официально признаны 7 400 индейских и около 1 900 инуитских топонимов, относящихся к местам бывшего расселения этих народов. Автохтонные названия ныне считаются культурным наследием, они «раскрывают богатство и разнообразие квебекской топонимии и свидетельствуют о ценности её культурного достояния, так как через топонимы раскрываются обычаи, традиции, привычки тех цивилизаций, которые жили в тесной связи с природой. Именно эти географические названия составляют национально-культурную специфику топонимии Квебека» (с. 41).

Одновременно, однако, возникла необходимость урегулировать ряд нерешённых узловых вопросов аборигенной топонимии, которые ранее были одной из причин массовых переименований. Например, проблема вариативности названий. Так, ойконим *Квебек* встречался в следующих вариантах: *Québec, Québecq, Kebec, Kebbek, Cabecke, Kabecke, Kephek, Gepeg* и др., кроме того, некоторое время существовал его фонетический вариант: с 1630 г. ударение ставилось на первый слог — *Квёбек*. В связи с подобными многочисленными случаями приходится решать вопросы нормализации орфографии (в том числе, например, устанавливать правила транслитерации названий на французском языке, сокращать многосложные названия путём аферезиса или апокопы, и т. д.), а также решать проблемы перевода названий, переименования географических объектов, топонимической омонимии и синонимии (параллельных названий), стандартизации и т. д.

Интересен исторический обзор в разделе «Роль этнического фактора в формировании региональной топонимии». Специфическая черта квебекского общества, как и канадского в целом, — его этнокультурная мозаичность. В современных условиях растущей глобализации, с одной стороны, идёт процесс стирания этнических различий, с другой — наблюдается противоположная тенденция: стремление отдельных сообществ сохранить свои этнические и религиозные отличия от других сообществ. При этом особую актуальность приобретает проблема этнической идентичности, которая в течение десятилетий исследуется канадскими этнологами и психологами. «Из средств и условий этнической идентичности следует выделить прежде всего национальный язык и общую территорию, с помощью которых обеспечивается единство этноса. Этой двойкой задаче отвечает топонимия, а именно через маркирование своей исконной территории на своём национальном языке. <...> Человек воплощает в себе культуру определённого этноса через систему ценностей. Ценностные ориентации — обобщённая концепция природы, места человека в ней, отношения к человеку, желательного или нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром» (с. 61).

Этническая идентификация выражается, в частности, в этнонимах и этнотопонимах — этой теме посвящён большой раздел монографии. В нём анализируются две группы этнотопонимов — с компонентом автоэтнонимом (ср. р. *Abénaquis* = *Абенаки* — самоназвание *абенаки* ‘дети зари’ или ‘настоящие люди’) и с компонентом аллоэтнонимом (ср. *Lac aux Montagnais* ‘озеро монтанье’, в переводе с французского *монтанье* — ‘горцы’. Так называли их французские путешественники: эти индейцы Лабрадора были физически крепкими и выносливыми, хорошо приспособленными к жизни в горах).

Самая большая глава книги посвящена лексико-семантической характеристике топонимии Квебека. Классификация инуитских и индейских названий вполне традиционна, подытожена в ряде таблиц и охватывает подразделы двух больших классов: отражение природно-географических объектов и отражение практической деятельности человека в топонимах. Однако обращает на себя внимание подробный анализ параметров и ассоциаций, связанных с той или иной группой названий. Автор пишет: «Акт топонимической номинации осуществляется в контексте культурной традиции, при этом для номинатора из всей сенсорной информации (зрение, осязание, слух, запах, вкус и т. д.), поступающей в анализаторы, какой-то один признак становится приоритетным, приобретающая особую значимость, чаще всего связанную с его [номинатора — P. A.] практической деятельностью» (с. 102).

Среди ассоциаций и образов, возникающих при восприятии мира природы, выделяются: зрительные (местоположение, цвет, количество, расстояние и т. д., ср. гидроним в языке абенаки: *Yamaska* «Много тростника в открытом море»), тактильные (температурные, ср. в языке наскапи *Kaskakamisu* «Горячая вода»), а также звуковые, вкусовые и др. Кроме того выделяются топонимы, содержащие сведения о природных явлениях, флоре и фауне региона. В таблице 6 (с. 121) представлены результаты количественного анализа топонимов класса «Мир природы», причём отдельно подсчитываются индейские и инуитские топонимы; и это, безусловно, правильно, так как в абсолютных цифрах количество индейских топонимов в шесть раз превышает количество топонимов инуитских. В то же время в процентах статистика в отдельных графах более показательна, например, наибольший процент среди индейских и инуитских названий принадлежит тематической группе «Гидрографические характеристики объектов».

Интересен и оригинально построен также раздел об отражении практической деятельности человека в топонимии, в котором содержится много этнографических сведений о материальной и духовной культуре аборигенного населения Квебека. Так, например, известно, что курительная трубка, или Трубка мира (найденные каменные трубки датируются 2000 г. до н. э.), играла важную символическую роль в общественной жизни индейских народов: она была непременным атрибутом участников племенного совета, с её помощью скреплялись договоры, она применялась в религиозных обрядах. Название курительной трубки лежит в основе топонима *Paugan* (водопад). Французские путешественники иногда называли племена, жившие рядом с Великими озёрами, «люди с трубкой» (калюмэ). Французское слово *calumet* — фонетическая адаптация нормандско-пикардского *chalumeau* (первоначально — ‘камышовая тростинка’, ‘соломинка’, позже в результате метонимии — ‘дудочка, трубка из тростника’). Слово сохранилось в квебекском гидрониме *Rivière du Calumet*.

Пример из области духовной культуры и религии: инуитский мифотопоним *Torngat* — цепь самых высоких гор на востоке Северной Америки. Слово *Torngat* (*Torngak* и *Tungak* — в ед. ч. и *Tornait* или *Tuurngait* — во мн. ч.) означает ‘духи’, ‘призраки’ или ‘демоны’, существа бесплотные, ужасного вида, которые могут навредить людям. Горы *Torngat*, высокие, отвесные, покрытые вечными снегами, с бурными реками, высокогорными долинами и фьордами, были центром инуитского анимизма.

В заключении к работе, в частности, говорится: «Топонимический материал может служить косвенной характеристикой этноса, так как в нём содержатся свидетельства

материальной и духовной культуры народа в том самом виде, как об этом говорят, мыслят и рассказывают сами носители языка или диалекта, представители этноса» (с. 161).

Весьма ценно в монографии приложение — этимологический словарь аборигенных топонимов Квебека, с систематизацией по языкам: индейских (общим числом 385) и инуитских (61).

Большой вклад в изучение квебекской топонимии сделан Г. С. Доржиевой и в её следующей монографии — «Франкофонная топонимия Квебека». Эта работа важна и для истории французского языка, и для общего языкознания, так как в ней затрагиваются вопросы отношений языка и общества, вариативности языка, этноязыковых контактов и т. п. Монография состоит из введения, трёх глав и заключения.

В первой главе «Топонимическая лексика как объект этнолингвистического исследования» даётся историографический обзор литературы по этнолингвистическим методам в применении к ономастике, обзор исторических условий формирования топонимии Квебека (выделяется пять этапов от начала французской колонизации этой территории в первой половине XVI в. до современного состояния политической и языковой ситуации). Особенность функционирования французского языка в Канаде заключается в том, что он формировался на основе нескольких региональных диалектов Франции и сельских говоров; в условиях ограниченных контактов с аборигенным и англофонным окружением в Канаде с начала колонизации не прерывалась естественная преемственность языка от поколения к поколению. Автор применяет понятие «интродат» как более точно характеризующее взаимодействие языков в Квебеке, понятие «квебекский вариант французского языка», или «квебекский французский язык», которое адекватно отражает современное состояние историко-культурных, лингвистических и этнолингвистических исследований в этом направлении.

Вторая и самая большая глава — «Национально-культурные коннотации и лексико-семантический потенциал франкоязычной топонимии Квебека» — посвящена всестороннему анализу географических названий франкоязычного происхождения. Для этимологического анализа методом сплошной выборки было отобрано 5 289 топонимов.

Изложение материала в этой главе отличается высокой степенью детализации во всех лексико-семантических группах. Так, при описании топонимов, содержащих сведения о фауне региона, в подразделах рассматриваются: млекопитающие — лесные хищники, травоядные, водные; птицы; рыбы, земноводные и моллюски; бабочки и насекомые (кстати, бабочки, или чешуекрылые, — тоже отряд насекомых, заголовок подраздела не совсем удачный).

Отдельное замечание касается терминологии: речь о самом термине как таковом. Автор употребляет слово *термин* как по отношению к научной географической терминологии, так и по отношению к так называемым местным географическим терминам, что иногда приводит к путанице, особенно когда в последнем случае опускается слово *местный*. Между тем в книге справедливо указывается, что термин стремится к однозначности (научный?), но многие термины в регионах приобретают разные значения (?). Наверное, во избежание недоразумений подобного рода следовало бы различать понятия *географический термин* (в науке географии) и *географический апеллатив* (что равно местному географическому термину).

Не имея возможности подробно осветить содержание обширной второй главы, остановлюсь лишь на разделе «Топонимические метафоры». Исходя из того положения,

что метафора, «как результат семантической деривации, является одним из кодов осмысления окружающего мира» (с. 197), и особо отмечая в этом плане теоретическую значимость монографии М. Э. Рут «Образная номинация в русской ономастике» (2008), Г. С. Доржиева полагает, что система образов, закреплённая в топонимии данного языкового сообщества, может свидетельствовать о его этнокультурном опыте и традициях.

В образной топонимии Квебека (здесь автор последовательно сравнивает франкофонную топонимию с аборигенной) универсальный признак проявляется в наличии общих типов переноса, составляющих пять лексико-семантических групп: «Человек», «Семья», «Дом, хозяйство», «Окружающая природа», «Внешний мир». Результаты количественного анализа, суммированные в таблицах 3–5 (с. 206–212), показывают, что во франкоязычном топонимиконе наиболее широко представлена сфера «Дом, хозяйство» (в то время как в аборигенной топонимии она имеет равное соотношение со сферами «Человек» и «Окружающая природа»).

Различия в национальных картинах мира проявляются при сопоставлении мотивов номинации одного и того же географического объекта во французском и аборигенных языках. Так, зооморфная метафора во французском названии *Lac aux Araignées* «Паучье озеро» появилась благодаря тому, что длинные косы, глубокие бухты на северном побережье этого озера придают ему очертания гигантского паука. А записанное в 1815 г. индейское название того же озера *Macanatack* содержит географический апеллятив: с языка абенаки лимноним переводится как «Болотистое озеро». Или наоборот, название, содержащее французский географический апеллятив, соответствует аборигенному образному названию: фр. *Île Cairn* «Остров с грудой камней» (на севере так отмечали путь) — инд. кри *Mitisinikw* «Тот, который похож на живот птицы». «Возможности появления топонимической метафоры и её интерпретация зависят от целого ряда исторических, социокультурных, материальных, этнических, временных и прочих факторов. Повышенная экспрессивность наблюдается в названиях мелких населённых пунктов и природных географических объектов» (с. 229–230).

В третьей главе «Топонимические квебецизмы» анализируются особенности топонимии Квебека, обусловленные спецификой квебекского варианта французского языка. Квебекский вариант 1) сохраняет галлороманское наследие (архаизмы, диалектизмы); 2) включает заимствования из других языков, с которыми входил в контакт (индианизмы, англицизмы, испанизмы и др.); 3) содержит инновации (формальные, семантические, грамматические, фразеологические, стилистические). С учётом различных классификаций лексического состава французского языка автор выделяет топонимические квебецизмы по группам дивергентов — общим числом пять групп.

К ф о р м а л ь н ы м квебецизмам, связанным с различиями в общефранцузском и квебекском произношении и написании, относятся фонетические и графические дивергенты. Пример фонетического дивергента: *L'île du Bic*, где *bic* — результат слияния двух оронимических терминов *bec* 'мыс, коса, выступ' и *pic* 'пик, остроконечная (горная) вершина'. Пример орфографического дивергента: *Le Domaine-du-Roy (Roi)*.

Среди различных типов г р а м м а т и ч е с к и х дивергентов можно отметить, например, неустойчивость в употреблении артиклей. Так, в состав некоторых слитных артиклей входил архаичный посессивный предлог *à*, эквивалент предлога *de* в современном французском языке: *Rivière-à-Pierre* «Река камня» (ср. рус. *Каменка*), *Rivière-aux-Foins* «Река сена» (видимо, по её берегам косят траву). Подробно описываются

дивергенты семантические (ср. *Lac de la Traverse* «Озеро переправы», где произошло семантическое расширение слова *traverse*, означавшего в XVI в. ‘пересечение моря’), функциональные (ср. событийный топоним *Mont des Conscrits* «Гора призывников (рекрутов)»: название связано с тем, что во времена Первой мировой войны юноши скрывались от призыва в армию в близлежащих лесах), к в е б е ц и з м ы - н е о л о г и з м ы (ср. *Rivière des Savanes*. В Квебеке географический термин *саванна* означает плоскую и влажную местность с редколесьем, для земледелия её предварительно осушают).

В этой главе также есть подразделы, посвящённые топонимическим заимствованиям и мемориальным топонимам.

В Заключении суммируются выводы автора, в том числе подтверждается тезис о том, что источником языкового варьирования французского языка в Квебеке служат внешние и внутренние факторы.

К монографии приложен внушительный список использованной литературы: 378 названий на русском языке, 183 названия на иностранных языках и 49 названий словарей. Книга вышла в авторской редакции и без корректора; вероятно, этим объясняются и определённые недостатки издания. Так, упомянутые в основном тексте некоторые ссылки на работы авторов не нашли отражения в списке литературы, нет и списка сокращений названий источников, библиографическое описание работ не унифицировано по ГОСТу. Но это частное замечание, касающееся технической стороны.

В целом обе книги Г. С. Доржиевой по своему содержанию, теоретической и практической значимости достойны внимания ономастологов и вносят большой и ценный вклад в лингвистическую науку.

Р. А. Агеева

Русское географическое общество (Москва)
ruf09382008@yandex.ru

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2012 г.

Kanavou N. Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes / ed. on behalf of the Herculaneum Society by A. Barchiesi, R. Fowler, D. Obbink, N. Wilson. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. — 228 p. — (Sozomena : Studies in the Recovery of Ancient Texts. Vol. 8.)

Исследование литературной ономастики Николетта Канаву начала с гомеровских имен — сердца греческой словесности. После этого появилась работа, посвященная семантической выразительности (*significant names*) ономастики Аристофана. Основным принципом методологии и методики автора является исследование собственных имен (личных, теонимов, топонимов, этнических и просторечных названий-прозвищ-кличек) как некоей системы, которая является смыслообразующей для каждой конкретной пьесы и в значительной степени обуславливает ее структуру. Нечего и говорить, что подобный подход чрезвычайно интересен для отечественного читателя, который вынужден воспринимать переводную литературу в отрыве от породившего ее языка, а собственные имена греческой классики традиционно являются для нас экзотизмами.